

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
ПО ОБРАЗОВАНИЮ
**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО**

**ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693, выданы Госкомпечати РФ 12 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Бюллетень оперативной научной информации

№ 100

декабрь

2006

**СИБИРСКОЕ МУЗЫКОЗНАНИЕ:
актуальные аспекты исследования**

Томск
2006

Вестник Томского государственного университета: Общественно-педагогический журнал. **Бюллетень оперативной научной информации.** 2006. № 100. Декабрь.

СИБИРСКОЕ МУЗЫКОЗНАНИЕ: актуальные аспекты исследования. Томск: Томский государственный университет, 2006. 144 с.

В бюллетене № 100 помещены статьи, подготовленные на материале кандидатских и докторских исследований, проводимых на музыкальных кафедре Новосибирской государственной консерватории (академии) имени М.И. Глинки. Работы посвящены широкому спектру вопросов современной музыкальной науки, объединяющим началом служит стремление авторов рассмотреть поставленные проблемы с новых позиций, ввести в науку новые источники. Материалы бюллетеня представляют интерес для научных сотрудников, преподавателей, студентов и аспирантов.

The Vestnik of Tomsk State University: Scientific periodical. **The Bulletin for operating scientific information.** 2006. № 100. December.

SIBIRIAN MUSICOLOGY: topical aspects of research. Tomsk: Tomsk State University, 2006. 144 p.

In bulletin № 100 articles are placed prepared on candidates' and doctors' researches material held at musicological faculties of Glinka's Novosibirsk State Conservatory. The works are dedicated to the wide spectrum of modern musical science issues, its unifying core being the authors' aspiration in considering the enlisted problems from new positions, as well as introducing new sources into science. The bulletin's materials are of great interest to scientists, teachers, students and post-graduate students.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Председатель научно-редакционного совета (главный редактор)

Майер Г.В., проф., д. ф.-м. н.

Александров И.А., проф., д. ф.-м. н.; Башкатов В.З., с. н. с., к. х. н. (отв. секретарь); Богоряд И.Б., проф., д. т. н.; Бурова Н.Ю., уч. секр. ТГУ; Бычков А.П., проф., д. э. н.; Горцев А.М., проф., д. т. н.; Демешкина Т.А., проф., д. филол. н.; Дунаевский Г.Е., проф., д. ф.-м. н. (зам. гл. редактора); Кабрин В.И., проф., д. психол. н.; Кирпичин С.Н., доц., к. б. н.; Комарова Л.В., доц., к. педагог. н.; Малолетко А.М., проф., д. геогр. н.; Петров Ю.В., проф., д. филос. н.; Ревушкин А.С., проф., д. б. н. (зам. гл. редактора); Саложкова З.В., нач. управления кадров ТГУ; Зиновьев В.П., проф., д. и. н.; Уткин В.А., проф., д. ю. н.; Фомин С.Ф., проф., д. и. н.; Шабурова О.Г., зав. библиографическим информационным центром Научной библиотеки ТГУ; Шмидт Л.Ф., зав. отделом научно-технической информации ТГУ.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ БЮЛЛЕТЕНЯ

Шиндин Б.А., проф., д. иск. (отв. редактор), Галицкая С.П., проф., д. иск., Роменская Т.А., профессор, д. иск.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук

(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации. 2003. № 2. Март)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Библиографические ссылки

на настоящий бюллетень оформляются так:

Фамилия (ин) и инициалы автора (ов). Название статьи // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Актуальные вопросы современной филологии: теоретические и прикладные аспекты». 2006. № 100. Декабрь.

НАРОДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Статья посвящена феномену народного православия и формам его проявления в музыкальном фольклоре.

Для русской народной духовной культуры характерно сопряжение дух мировоззренческих систем, двух полюсов – христианства и язычества, между которыми располагается целый ряд переходных явлений. Подобный сложный, дуалистичный, синтетический характер народных воззрений приводит к необходимости осознания многоославноности национальной культуры, нуждается в понимании своеобразной народной религиозности.

Народная религиозность, в особенности религиозность, преломившаяся в фольклоре и в народных нецерковных обрядах, отлична от богословского восприятия православия и его канонического воплощения. Рассуждая о характере русской религиозности, известный русский историк культуры, филолог и богослов Г. П. Федотов писал о том, что «русская религиозность таит в себе и неправославные пласты, раскрывающиеся в сектанстве, а еще глубже под ними – пласты языческие, причудливо переплетенные с народной верой» [27. С. 11].

Одним из многих названий, которое получили проявления народной религиозности, является народное православие. В качестве рабочего определения воспользуемся следующей характеристикой этого феномена: народное православие – это «комплекс религиозных верований, обрядов и обычаев, включающий элементы православной догматики и обрядности наряду с фрагментами дохристианских культов. Православие в его народной форме объединяет вопросы религиозного мировоззрения (представления о Боге, душе, загробном мире и т.д.) и религиозного творчества (молитвы, духовные стихи, апокрифы, легенды; православный культ взаимосвязан здесь с аграрным календарем, семейной обрядностью, народной медициной) [2. С. 46].

Существуют и другие определения интересующего нас явления. В исследовательской литературе часто используется понятие двоеверия, отражающее синкретическое взаимодействие элементов христианства и язычества. Употребление этого термина имеет длительную историю, начиная со времен средневекового христианства на Руси, где оно встречается в поучениях древнерусских книжников, направленных против христиан «двоеверно живущих» («Слово некоего христороубца, ревнителя по

следует продолжать. Ценные материалы для изучения, с одной стороны, самого сибирского фольклора во всем разнообразии его проявления, а с другой стороны, пока не написанной истории его собирания, издания и исследования содержатся, к примеру, в фондах № 1053 (Сибнаробразовани), № 1698 (ГТРК «Новосибирск»), не полностью освоены в этом отношении материалы фонда № 1812 (Сибирская организация Союза композиторов) [12] и, видимо, многие другие архивные собрания, ждущие своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вышатко Н.Н.* Общество изучения Сибири и ее производительных сил // Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск, 2003.
2. Известия Государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. № 1.
3. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / Сост. Р.П. Потанина, Н.В. Леонова, Л.Е. Фетилова. Новосибирск, 2002.
4. Сказки из разных мест Сибири / Под ред. М.К. Азадовского. Иркутск, 1928.
5. *Матеева Р.Л.* Народно-поэтическое творчество старообрядцев Забайкалья (семейских). Улан-Удэ, 2005.
6. *Мамонтова Е.А.* Фольклорное собрание М.Н. Мельникова в ГАНО // Мельниковские чтения: Материалы первой региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2004.
7. *Леонова Н.В.* Архивное хранение фольклорных материалов: Фонд М.Н. Мельникова в Государственном архиве Новосибирской области // Архивная служба Сибири на рубеже XX–XXI веков (правовые, организационные и научно-методические вопросы деятельности архивной службы). Новосибирск, 2000.
8. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. Новосибирск, 1981.
9. *Захарченко В.Г., Мельников М.Н.* Свадьба Обско-Иртышского междуречья. Этнографическое описание свадебных обрядов. Тексты и напевы песен / Редакция Е.В. Гишпиуса. М., 1983.
10. Хороводные и игровые песни Сибири / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. Новосибирск, 1985.
11. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни. Заговоры / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск, 1997.
12. *Леонова Н.В.* Фольклористическая деятельность Сибирского отделения Союза композиторов // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск, 2001.

православной вере», XIV в.) [14. С. 20]. Несмотря на давнее происхождение и частое употребление, границы этого понятия не вполне определены, что приводит к разным оценкам этого явления, о чем свидетельствуют и споры, ведущиеся в настоящее время в литературе по поводу пропорности использования этого термина [29].

Долгое время исследования по народному религиозному мировоззрению были редким явлением в отечественной науке. Можно предположить, что дореволюционная наука не обладала необходимой дистанцированностью взгляда на религиозную культуру, в данной ситуации чувствуются некоторая осторожность, своего рода внутренняя цензура, связанная с опасением отклонения от истинного благочестия, отхода от догматического православия и его канонов. Одним из первых на феномен народного христианства в России обратил внимание профессор Казанской духовной академии П.В. Знаменский. В 1863 г. в «Православном собеседнике» была опубликована его статья, в которой ученый обосновал важность изучения народной веры, того «как народ усвоил учение веры, как церковный закон обнаружил свое влияние на народную жизнь, какие особенности в вероучении и в церковной практике проистекали от соприкосновения православия с народными понятиями и жизнью» [4. С. 11–12].

Вслед за трудами Знаменского через несколько десятилетий появляются вышеуказанная книга Г.П. Федотова, посвященная духовным стихам. Это исследование, по мнению С.Е. Никитиной, становится «*первым системным описанием народного православия*» [27. С. 141] (курсив автора. — Е.Ж.).

В советский период проблема народного христианства являлась практически закрытой для изучения в связи с запретом господствующей атеистической идеологии. В работах, посвященных народной вере и обрядности, выступает на первый план теория двоеверия [18; 22 и др.], подчеркивается языческий характер духовной культуры русского народа, проявления же христианства либо оцениваются крайне тенденциозно, подаваясь в искаженном виде, либо полностью игнорируются.

В последнее десятилетие XX — нач. XXI в. тема народного православия вновь привлекает к себе интересы представителей различных научных дисциплин — филологов, историков, этнографов, этнолингвистов; появляются работы, демонстрирующие новую концепцию исследований народной культуры [2, 4, 5, 12, 14, 16, 23 и др.]. Намеченный поворот в осознании проблемы происходит в связи со снятием идеологического запрета и назрелой необходимостью в рассмотрении этого вопроса. Тема народного христианства выходит на новый уровень, о чем свидетельствует целый ряд мнений о сущности народного мировоззрения, появившихся в печати на протяжении последних пятнадцати лет.

Большинство исследователей определяет народную веру как единый сплав православия (и, шире, христианства) с элементами дохристианских культов, с архаическими верованиями земледельческого характера. На наш взгляд, особое внимание также заслуживает приобретающая все большее признание попытка реконструировать народную религию, обращаясь к сознанию ее носителей [4, 5, 12]. В целом же, как справедливо указывает Т.А. Бернштам [4. С. 341], на данный момент не существует общепринятой концепции народных верований, нет обобщающего труда, подробно и всесторонне раскрывающего эту проблему.

В настоящее время исследование народного православия ведется на уровне изучения проявлений этого феномена в различных областях народной культуры. В традиционной русской музыке проявления народного христианства формируются в процессе взаимодействия церковной и фольклорной певческих культур. Этот процесс приводит к существованию различных межкультурных ситуаций. Охарактеризуем наиболее показательные из них.

1. В процессе длительного параллельного существования системы православных праздников и восточнославянского обрядового фольклора произошло постепенное проникновение элементов церковной традиции в народные календарные обряды. Так, в обходных зимних (колядки) и весенних (волошебные песни) поздравительных песнях нередко присутствуют имена Иисуса Христа, Божьей Матери, ангелов, святых, а также названия православных праздников и реалий христианского богослужения (церковь, свечи и т. п.) [17]. Наряду с отдельными христианскими элементами в фольклорных традициях функционируют и целостные богослужебные по происхождению произведения. В настоящее время появляется ряд работ, посвященных рассмотрению этого явления. Наибольшее внимание музыковедов привлекает пасхальный тропарь, включенный в весенние календарные обряды западнорусской фольклорной традиции. Особенности бытования этого церковного песнопения в народной песенной среде охарактеризованы в публикациях, появившихся в течение последних десяти лет [8, 15, 21].

Христианское начало проникает и в сферу семейных обрядов. Достаточно важную роль христианская образность играет в народном свадебном обряде. «Христианские мотивы, реалии и образы буквально пронизывают песенные и причетные свадебные тексты, наполняют их глубоким религиозно-нравственным смыслом» [26. С. 373]. Но, пожалуй, наиболее подверженной влиянию православной традиции оказалась сфера похоронных обрядов. Основные православные молитвы, такие как Грисвятое, Отче наш, Богородице Дево, Царю Небесный, Достойно есть и др. устойчиво испол-

няются в течение различных этапов похоронно-поминальных обрядов, зачастую чередуясь при этом с пением духовных стихов. Обычай пения и чтения молитв во время отпеваний, совершаемых мирянами, распространены практически повсеместно [6]. Можно предположить, что исполнение православных песнопений в процессе проведения народных похоронных обрядов получило особую актуальность в XX в., когда в связи с ограниченной возможностью совершения богослужения в храме, отдельные церковные жанры исполнялись в домашней обстановке.

В целом в описанной ситуации бытования православных песнопений в восточнославянском фольклоре можно проследить две основные линии — песнопения исполняются при проведении поздравительных обходов (рождественские, пасхальные христославления), а также являются включенными в похоронно-поминальные обряды. Очевидно, подобное функционирование образов церковно-певческой традиции маркирует собой некоторые важные моменты в календарной и семейной обрядности. Заметим также, что во всех перечисленных случаях в той или иной мере обнаруживается связь процесса фольклоризации песнопений, что проявляется в различных изменениях словесной и музыкальной основы канонических текстов. Бытование песнопений по законам народных произведений приводит к иному качеству их функционирования, существования в виде гипертекста — совокупности вариантов и версий, что особенно ярко выявляется при анализе музыкальной составляющей этих фольклоризованных образцов.

2. Описанный процесс бытования церковных произведений можно проследить и с выходом за пределы славянского культурного ареала. Несмотря на то, что ситуация складывается в тех случаях, когда православные песнопения наряду с другими русскими ассимилянтами (частушками, игровыми песнями и т. п.) проникают в интонационные культуры неславянских коренных этносов Сибири (шорцы, хакасы, алтайцы и мн. др.), а также в традиционные культуры тюркских и финно-угорских народов Поволжья (чуваши, татары-кряшены, удмурты, коми-пермяки, марийцы, мордва). Очевидно, подобная ассимиляция стала возможна в результате христианизации этих народов, произошедшей в XVI–XIX вв. Наряду с жанрами народного происхождения в фольклорных традициях вышеперечисленных этносов встречается исполнение наиболее известных православных молитв, таких как Отче наш, Богородице Дево, Достойно есть, Верую, Трисвятое, песнопений, посвященных отдельным наиболее почитаемым праздникам (тропарь и ирмосы Пасхи, Рождества, тропарь Кресту). Достаточно широко используются краткие припевы и молитвословия («Пресвятая Богородице», «Слава Тебе, Боже наш», припев воскресных тропарей). О функционировании этого слоя ассимилированных образцов в народной

культуре можно сказать, что в основном преобладает практика пассивного хранения. Знание молитв, как правило, актуализируется при совершении похоронного обряда, во время которого поются и читаются наиболее известные и общеупотребительные песнопения [1, 9, 10 и др.]. Помимо опубликованной информации принимаются во внимание полевые материалы, содержащие образцы пения и чтения православных молитв, бытующих у неславянского населения Сибири (Новосибирская область, Республика Хакасия, Республика Алтай и др.).

Песнопения исполняются как на церковнославянском, так и на родных языках носителей традиции. К этому пласту ассимилированных православных песнопений примыкают лирические и поминальные духовные стихи, в исполнении которых также присутствует билингвизм.

Сравнимая ситуация принятия песнопений в интонационные культуры неславянских народов с ранее описанной, укажем на определенное сходство этого процесса (проникновение молитв в обрядовую сферу фольклора) и некоторое различие — в неславянских фольклорных традициях круг фольклоризованных песнопений несколько уже, он ограничен, как правило, наиболее употребительными, основными православными молитвами. Преобладает включение песнопений в структуру похоронного обряда, из календарно приуроченных молитв наиболее распространены является лишь тропарь Пасхи.

В фольклорном контексте ясно ощутима богослужебно-певческая основа этих образцов испытывает изменения, трансформирующие мелодику в сторону большей распевности и нередко значительно уводящие ее от канонического первоисточника. Возможно, эти изменения возникают под влиянием фольклорного опыта исполнителей, а также при более свободной трактовке напевов, передающихся исключительно устным путем.

3. Обратный процесс привнесения фольклорного начала в современную богослужебную практику обнаружить значительно сложнее, поскольку он протекает в более опосредованной форме. Об исполнении фольклорных жанров на богослужении говорить практически не приходится, кроме редких случаев, носящих, скорее, характер исключения. Этот особый пример проникновения народно-музыкального творчества в церковную практику представляет собой бытующая на Украине традиция пения на богослужении христианизированных колядок (псалм). Коляды христианского содержания могут исполняться на литургии в отдельные дни церковного месящеслова, в период от Рождества до Сретения [24].

Более же значимые и распространённые проявления фольклорного начала в церковно-певческой практике обнаруживаются, в основном, на

Помимо вышеописанных явлений, возможности проявления фольклорного начала в богослужебной практике способствует преимущественно устная природа бытования основного фонда осмогласных и внегласных обиходных напевов. Так, при их изустной передаче нередко возникают мелодические варианты, достаточно далеко отстоящие от канона и заключающие в себе определенные следы влияния народно-песенной традиции. Вопросам устности передачи богослужебного канона посвящена статья А. Укурчинова [25]. Анализируя песнопения современного певческого обихода, автор статьи рассматривает обиходное пение как совокупность отличающихся друг от друга региональных певческих практик, что, в целом, отвечает также определению фольклорной традиции. В качестве вывода в завершении работы присутствует мысль о том, что «гласовое обиходное пение Русской Православной Церкви находится в сфере явлений так называемой «народной» неофициальной культуры»; автор статьи также называет это явление «полуфольклорной практикой гласового обихода» [25. С. 357].

Можно предположить, что особую актуальность проблема привнесения народно-песенных элементов в церковное пение приобретает в XX в. в связи с отсутствием специально обученных певчих. Возможно, в немногих действующих в советский период храмах на церковный клирос ставились люди, имевшие разнообразный музыкальный, в том числе и народно-певческий опыт. В настоящее же время приходится признать, что музыкальная фольклористика, вероятно, не располагает достоверной источниковой базой для изучения проблемы влияния фольклорной традиции на богослужебную певческую практику, поскольку это своеобразное явление практически ушло из жизни, оставшись незафиксированным.

4. Яркую и своеобразную область взаимодействия богослужебной и фольклорной традиций представляет собой такое явление, как жанровая сфера духовных стихов. Духовный стих – феномен интеркультурной природы, формирующийся на пересечении богослужебной, фольклорной и, в более поздний период, светской профессиональной традиций. Духовные стихи можно охарактеризовать как творческий отклик народной культуры на христианство, не случайно один из первых русских собирателей и исследователей духовных стихов Ф.И. Буслав отзывается об этом жанре народного творчества как о «посреднике между письменной христианской и устной народной культурой» [27. С. 138].

Известно, что духовные стихи – чрезвычайно развитая жанровая сфера, поскольку претворение религиозной тематики в народном творчестве опирается на широкий спектр интонационных моделей разнообразных жанров, как фольклорных, так и связанных с церковной и светской про-

уровне отдельных элементов, в частности, на уровне интонационности. Можно заметить, что проникновение народно-песенной интонационности в культовую традицию осуществляется преимущественно в достаточно свободной зоне внебогослужебного и внехрамового пения (по окончании службы во время прикладывания ко кресту, иконам, когда петь могут все присутствующие; во время крестных ходов и молебнов при активном участии народа), или же в тех единичных случаях во время богослужения, когда избранные песнопения (Отче наш, Верую, воскресный тропарь «Воскресение Христово», тропарь праздника, молитва «Царице моя Преблагая» и др.) поют совместно хор и прихожане или только прихожане.

Кроме того, в богослужебную практику привносится народная манера пения «открытым звуком», а также отдельные интонационные особенности (большая распевность, ритмическая вариативность, терцовые замены отдельных ступеней), характерные для фольклорного музыкального мышления. В данном случае, автор настоящей работы основывается на собственных наблюдениях, зафиксированных в различных храмах сибирского региона, а также на информации, полученной от о. Анаголия Рублева, настоятеля храма в д. Турнаево Болотнинского района Новосибирской области. Эти сведения касаются богослужебной практики храма во имя Святого Николая (г. Болотное), который оказался в ситуации, нестандартной для российских храмов XX в.: был открыт в 1946 г., и с тех пор службы в нем не прерываются на протяжении 60-ти лет, вплоть до настоящего времени. О. Анаголий сообщил, что в храме в 60-е – 90-е гг. XX в. пели музыкально одаренные люди, авторитетные носители местной фольклорной традиции. Фольклорное их «происхождение» сказывалось, в основном, на манере звукоизвлечения: исполнители сознательно старались «прикрыть» свои открытые фольклорные голоса, в результате чего получался «полуоткрытый» звук. За подобной исполнительской манерой закрепилось название «крестьянское пение». К сожалению, прежние носители традиции уже ушли из жизни и в настоящее время традиция «крестьянского пения» в г. Болотном не сохранилась.

Подобные мысли о манере исполнения церковных песнопений в деревенских храмах могут быть подтверждены наблюдениями за богослужебным пением старообрядцев. Так, в статье известного медиевиста, исследователя старообрядческой певческой культуры Н. Денисова содержится следующая информация о звучании песнопений у казаков некрасовцев: «Пение в общинах громкое. Динамика ровная, одинаковая для всего корпуса напевов, текстов, жанров. *Звукообразование открытое. Богослужебные тексты исполняются подобно песням, которые прихожане и певцы хорошо знают*» [7. С. 53] (курсив наш. – Е.Ж.).

фессиональной традициями. Важнейшим жанровым признаком стихов служит религиозное содержание этих образов внебогослужебного творчества. При этом диапазон музыкально-стилевого воплощения стихов достаточно широк, в результате чего можно наблюдать различное соотношение церковного и фольклорного начал в текстах и напевах стихов. На уровне вербального текста влияние церковной практики проявляется в религиозных темах и сюжетах, а также в отдельных церковнославянских словах и словосочетаниях («Аллилуйя», «Господи помилуй», «Святый Боже» и др.). Известны случаи, когда основой мелодии духовных стихов служит напев церковного происхождения [13. С. 38]. Необходимо отметить, что соотношение церковного начала в словесном и музыкальном компоненте в одном произведении далеко не всегда совпадает. Так, например, текст, в основе которого лежит христианский евангельский сюжет (Притча о бедном Лазаре) может быть озвучен напевом определенно фольклорного склада [28. С. 54–55], и, наоборот, при более свободном лирическом содержании используется напев явно богослужебного происхождения [13. С. 38].

Подводя итоги обозрению существующих форм проявления народного православия в музыкальном фольклоре, общим рассмотренные ситуации межкультурного взаимодействия. Опираясь на существующий в отечественном музыковедении опыт в этом направлении [3], воспользуемся предложенной дифференциацией типов взаимодействия по характеру элементов и по способу включения их в музыкальную традицию.

На наш взгляд, элементы, участвующие в процессе взаимодействия, можно обозначить как целостные произведения, включенные в иную для них культурную среду (например, рождественские песнопения, исполняющиеся во время зимних поздравительных обходов), либо как их отдельные части – слова, интонации, манера интонирования (подобный тип взаимодействия можно наблюдать в вышеописанном процессе привнесения народно-певческого начала в церковную практику). Вместе с тем в процессе контактирования богослужебной и фольклорной традиций рождается жанр синтетической природы – духовный стих – качественно новое явление, существование которого обусловлено обеими традициями. В разрядах духовных стихов на разных уровнях присутствуют элементы различных певческих культур (фольклорной, церковной, светской), зачастую (особенно в напевах) сплетаясь в неразрывном единстве.

Рассматривая типы взаимодействия по способу включения элементов, заметим, что наше понимание этой дефиниции носит процессуальный характер, т. е. подразумеваются разные стадии взаимодействия. Так, при заимствовании целостных элементов одной традиции в другую происхо-

дит их осознанное включение (народные исполнители почти всегда знают, что они поют молитву). Далее же, в процессе адаптации и функционирования произведения в новой для него культурной среде происходит обычно неосознанное, стихийное приспособление текста и напева к нормам окружающего их контекста. Подобный же стихийный процесс присутствует и в ситуации проникновения фольклорного начала (в виде отдельных интонаций, манеры пения) в богослужебную практику. В духовных стихах можно проследить как осознанное включение элементов (преимущественно вербальный ряд), так и стихийное использование интонационного фонда церковно-певческой традиции.

Указанный процесс осознанного и стихийного включения элементов, на наш взгляд, родственен самому процессу формирования народного православия. В первые века после крещения Руси, а затем в период христианизации неславянских этносов православие осознавалось как нечто чуждое, далекое от народных верований. С течением времени складывались определенные компромиссные ситуации, результатом которых являлась некоторая адаптация христианства на русской почве. При этом элементы дохристианских обрядов стихийно сосуществовали с православной догматикой в поведении и сознании людей, искренне считавших себя православными христианами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И., Белоусова Л.Ю., Сыченко Г.Б. Итоги экспедиционной работы в районе хакасско-пороского пограничья // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. Омск, 2001. С. 69–72.
2. Белова О.В. Народное православие Полесья // Живая старина. 1994, № 3. С. 46–47.
3. Березовчук Л.Н. О типологии межкультурных взаимодействий в музыке // Стилевые тенденции в советской музыке 1960–1970-х годов. Л., 1979. С. 164–181.
4. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Ученые и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000.
5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвующего большинства. М., 1990.
6. Данченкова Н.Ю. Деревенский быт: «ходить по покойнику». Мирская православная традиция моленый об умерших (Владимирская область) // Религиозный опыт народной культуры. Образы. Обычаи. Художественная практика. М., 2003. С. 173–225.
7. Денисов Н. Церковно-богослужебные традиции казаков-некрасовцев // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2000. С. 53–59.
8. Енгватова М.А. Пасхальный тропарь «Христос воскрес» в народной песенной традиции западных русских территорий // Экспедиционные открытия последних лет. СПб., 1996. С. 72–87.
9. Жимилева Е.И., Скворцова Н.М. Процессы взаимодействия русской и хакасской музыкальных традиций в Орджоникидзевском районе Республики Хакасия // Народная культура Сибири: Материалы XIV научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2005. С. 40–43.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ПЕВЧЕСКИЙ ОКТОИХ: К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ РЕДАКЦИЙ

Рассматриваются сложившиеся в старообрядческой среде традиции музыкальной письменности. Анализируются различные списки певческого Октоиха с целью выявления основных редакций этой книги.

Памятники древнерусской музыкальной письменности являются объектом пристального внимания представителей отечественной музыкальной медиавистики с момента ее формирования в середине XIX в. Данный культурный пласт вызывает исследовательский интерес, прежде всего, как основной, наиболее полный и адекватный источник представлений о профессиональном певческом искусстве Руси эпохи средневековья, его стилистической эволюции и особенностях бытования в различные исторические периоды.

Помимо источника информации общекультурного историко-эволюционного характера, певческие рукописи представляют научный интерес и как самостоятельный предмет исследования. Данный аспект подразумевает изучение процесса формирования того или иного типа книги, его структурного и содержательного параметров, полноты состава песнопений. В этом направлении музыкальная медиавистика достигла значительных результатов: музыковедом в опоре на труды историков, филологов, литургистов удалось установить время сложения и реконструировать основные этапы эволюции практически всех типов певческих сборников и их разновидности, бытовавших и поныне бытующих в богослужебной практике Русской православной церкви (см., например, [1–4]). Тем не менее, публикации последнего времени свидетельствуют о практической неисчерпаемости темы богослужебной певческой книги, связанной как с детализацией и уточнением уже известных сведений, так и с возникновением новых аспектов ее осмысления [5, 6].

Очевидно, что до настоящего времени остается недостаточно изученным массив старообрядческих певческих кодексов, особенно рукописей, находящихся в составе коллекций книгохранилищ, расположенных за пределами европейской части России (Урал, Сибирь, Дальний Восток). Между тем, многочисленность старообрядческого населения в названных регионах, наличие компактных догматически однородных поселений, скитов и крупных монастырей, а также их связь с европейскими центрами староверия, обуславливающая особенность распространения певческих книг в среде урало-сибирского старообрядчества, позволяют на имеющемся мате-

10. Жуланова Н.И. Поминание «старых» у коми-пермяков // Религиозный опыт народной культуры. Образы. Обычаи. Художественная практика. М., 2003. С. 149–172.
11. Кулаковский Л. Искусство села Дорожева. У истоков народного театра и музыки. М., 1959.
12. Левин Ив. Двоеверие и народная религия в России. М., 2004.
13. Мыхо П.Л. Духовные стихи пензенских и калуужских переселенцев Челябинской области (по материалам фольклорных экспедиции 2001–2002 гг.) // Вторые Лазаревские чтения. Челябинск, 2003. С. 35–39.
14. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 20.
15. Подрезова С.В. Пасхальный тропарь «Христос воскрес» в северо-восточных районах Смоленской области: к проблеме ладинонационального анализа // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Вып. 1. СПб., 2001. С. 172–210.
16. Православие и русская народная культура / Отв. ред. М.М. Громыко. М., 1993. Кн. 1–2.
17. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / Сост. Ф.Ф. Болонов, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск, 1997.
18. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 3–30.
19. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Том 1. Календарные обряды и песни. М., 2003.
20. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Том 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. М., 2003.
21. Телюва И.Б. Распев пасхального тропаря «Христос воскрес» в крестьянской традиции северо-западных областей России // Православие и культура этноса. М., 2000. С. 63–64.
22. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. М.; Л., 1957.
23. Толстой Н.И. Славянские верования // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 15–26.
24. Тюркина Е.В. Украинские колядки и процессы интонационной корреляции фольклорного, культовой и светской музыкальных сфер (по материалам Донецкой области) // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика. Новосибирск, 2004. С. 356–362.
25. Угурчинов А. Методы изучения гласового обихода XIX–XX вв.: историография или этномузыкология? // Церковное пение в историко-литургическом контексте: Восток–Русь–Запад. Гимнология. Вып. 3. М., 2003. С. 350–357.
26. Урсегова Н.А. Христианские образы, мотивы и реалии в свадебном фольклоре русских старожилов Сибири // Музыка и ритуал: структура, семантика, специфика. Новосибирск, 2004. С. 373–381.
27. Федотов Г.Л. Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н.И. Толстого; Послесловие С.Е. Никитиной; Подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. М., 1991.
28. Хрестоматия сибирской русской народной песни. Детский народный календарь / Сост. В.И. Байтуганов, Т.Ю. Мартынова. Новосибирск, 2001.
29. Чернецов А.В. Двоеверие: мифаж или реальность? // Живая старина. 1994. № 4. С. 16–19.